

ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ 1988 ГОДА

Тенгиз Абуладзе и его фильмы

Фильм «Покаяние» был воспринят у нас в стране как событие, выходящее далеко за рамки кинематографа. Произведение, каждый кадр которого проникнут ненавистью к произволу диктаторской власти, сильно отрезонировало в духовной жизни общества, переживающего период интенсивной демократизации. А режиссер Тенгиз Абуладзе стал, пожалуй, одной из самых популярных личностей последних лет.

О художественных достоинствах «Покаяния» свидетельствуют сразу три награды (Большой специальный приз жюри, приз ФИПРЕССИ и премия Ватикана), полученные фильмом на последнем Каннском фестивале. Впрочем, с Кани и началось в 1956 г. международное признание Абуладзе. Картина «Лурджа Магданы», поставленная им совместно с другим дебютантом Ревазом Чхеидзе (ныне также одним из лидеров грузинского кино), получила здесь первую премию по разряду короткометражных фильмов. Неприятельский сюжет о больном ослике, которого выходили дети вдовы-крестьянки, покорял на экране искренностью любви к простым людям и их нехитрым жизненными заботам. На Западе здесь увиделась некая параллель итальянскому неореализму, а у нас, сами того не подозревая, молодые режиссеры стали флагманами нового направления в грузинском кино: на смену помпезным кинополотнам сталинской эпохи приходили истории, возвращенные реальной жизнью. Это была середина 1950 годов, пора XX съезда КПСС, оттепели, десталинизации...

Выражаясь высокопарно, сама муза советского кино стояла у колыбели Абуладзе. Корицей мирового экрана Сергей Эйзенштейн посоветовал подростку поступить на режиссерский факультет ВГИКа. Педагогами Абуладзе в стенах института были Александр Довженко, Сергей

Юткевич и другие крупные мастера.

В кадры ранних фильмов Абуладзе, таких, как «Чужие дети» (1958) или «Я, бабушка, Илико и Илларион» (1963), врывается подлинная жизнь Грузии, шумные улицы колоритного Тбилиси, будни деревни, затерянной в горах, горести и радости обыкновенных людей. Психолог и бытописец, Тенгиз Абуладзе научился правдиво и поэтично запечатлеть жизнь своего народа, раскрывать поэтичное и светлое в обыденном.

Однако сам Абуладзе ныне считает ранние свои фильмы (пусть они и принесли ему несомненное признание) лишь подступами к главному делу жизни — созданию кинотрилогии «Мольба» (1968), «Древо желания» (1977) и «Покаяние» (1984—1986). Действительно, перед нами удивительный триптих, мощное создание киноискусства, где сплетено настоящее и прошлое, где судьба человека предстает на эпическом фоне судьбы народа. Но в творчестве большого художника все бывает взаимосвязано: и в зрелых творениях Абуладзе, в этих мощных поэтических экранных фресках, сохраняется тонкое психологическое мастерство, «живопись» характера, чувства. Абуладзе работает не только размашистой широкой кистью, но и тоненькой кисточкой, ею он прописывает нюансы, скрытые движения души, слезинку на ресницах ребенка или страдающей девушки.

Фильм «Мольба» Абуладзе снимал по поэтическим произведениям и философским миниатюрам грузинского классика Важа Пшавелы. В «Мольбе» постановщик пытался воплотить конфликт между Добром и Злом, красотой и уродством, честью и бесчестием. Действие фильма разворачивается в некие давние, легендарные времена в горах и долинах Кавказа, где издавна проживали

племена и народы, принадлежавшие к различным вероисповеданиям, этническим группам. Вслед за великим гуманистом Важа Пшавелой наш современник Абуладзе во весь голос высказался против вражды, разделяющей народы, против недоверия, подозрительности, ненависти.

В картине «Древо желания», поставленной по мотивам рассказов известного грузинского писателя Георгия Леонидзе, та же тема губительной власти предрасудков, вражды. Но раскрывается она на материале жизни грузинского села в 1910-х гг., когда вся Россия и ее окраины уже бурлят в преддверии революции. На этом конкретно-историческом фоне разыгрывается трагедия деревенской красавицы, девушки Мариты, которую сельские авторитеты, а вслед за ними и озверевшая толпа подвергают аутодафе за неподчинение местным неписаным законам, за любовь к бедному парню, неровне. Сцена гибели Мариты, которую мучи-

тели гонят по осенней грязи, одетую в рубище и усаженную верхом на осла задом наперед, — позорная казнь! — напоминает смерть птицы, описанную Важа Пшавелой, и предвещает скорбные, раздирающие сердце эпизоды «Покаяния», такие, как арест бедной Нино, которую буквально отдирают от маленькой дочки и заталкивают в арестантскую машину, как сена, где женщины и дети, родные политических заключенных, ищут на бревнах, пригнанных с сибирского лесоповала, весточки от своих несчастных близких. С гражданским гневом и солидарностью с без вины виноватыми Тенгиз Абуладзе высказал с экрана свою любовь и ненависть.

«Зло, пришедшее к власти, — это социальный тулик», — комментирует «Покаяние» сам постановщик. Зловещая фигура диктатора Варлама высится в фильме как символ целой эпохи. С не меньшим горьким знанием дела, с желанием развить механизмы преступления рисует фильм и наслед-

ников Варлама — коррумпированное поколение стяжателей, типичных для времени, которое ныне именуют «застойным». И заглушая зловеще-барабанные речи Варлама, заглушая увертливые демагогические разглагольствования его сына Авеля, звучит с экрана «Покаяния» мощный и чистый рекийем по погибшим в массовых расправах периода беззаконий. И скорбь и гнев, и смех и слезы — все на предельном накале!

Фильм «Покаяние», показанный у нас в стране на рубеже 1986—87 годов, произвел едва ли не шоковое впечатление. И воздействие его продолжается.

...Седой ежик коротко стриженных волос, внимательные глаза под толстыми стеклами роговых очков, неторопливые и спокойные манеры — в скромной внешности Тенгиза Абуладзе живет нечто неуловимо артистичное, выдающееся в нем Мастера с большой буквы.

Н. ЗОРКАЯ.

На снимках: Тенгиз Абуладзе, внизу — кадры из фильмов.

